

Для цитирования: Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Роль России в развитии интеграционных процессов на развивающихся рынках // Экономика региона. — 2020. — Т.16, вып. 2. — С. 625-636

<http://doi.org/10.17059/2020-2-22>

УДК 339.923

JEL F02, F53, O19

Б. А. Хейфец ^{а, б)}, В. Ю. Чернова ^{а, в)}

^{а)} Институт экономики РАН (Москва, Российская Федерация)

^{б)} Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация)

^{в)} Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва, Российская Федерация; e-mail: veronika.urieвна@mail.ru)

^{г)} Государственный университет управления (Москва, Российская Федерация)

РОЛЬ РОССИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЫНКАХ¹

Необходимость структурной трансформации российской экономики в условиях замедления ее глобализации в посткризисный период актуализировала вопросы укрепления существующих стратегических партнерств России и поиска новых точек роста ее экономики. В статье обосновывается значимость участия России в макрорегиональных экономических объединениях. Проанализированы проблемы развития межгосударственных партнерств и связанные с ними риски. Проведен анализ значимости взаимной торговли России со странами ЕАЭС, БРИКС, ШОС на основе использования соответствующего индекса, который показал, что наиболее высокими темпами растет доля торгового оборота России со странами БРИКС и ШОС, существенный импульс росту которой придает торговля с Китаем, в то время как в ЕАЭС уровень развития внутрисоюзной торговли уступает потенциалу поддержки роста экономик стран-участниц через развитие внешнеторговых связей. Причем заинтересованность стран — партнеров России по ЕАЭС в развитии связей с третьими странами значительно усилилась в последние годы. Отмечено, что на пути интеграции стран ЕАЭС существует большое количество проблем, в том числе — принципиальная несовместимость интересов участников. На основе полученных результатов в исследовании показаны перспективы развития взаимного сотрудничества России в различных форматах интеграционных объединений. Отмечается, что главным препятствием для России в развитии новых экономических союзов является слабая конкурентоспособность экономики. Современная ситуация не способствует укреплению межрегионального сотрудничества, но при этом создает для России возможность укрепить сотрудничество в АТР и активизировать участие в многосторонних механизмах. Сделан вывод о необходимости в среднесрочной перспективе в формате ЕАЭС сосредоточить усилия на укреплении существующих институтов и на формировании гибкого экономического партнерства современного типа.

Ключевые слова: макрорегиональные объединения, интеграция, глобализация, международное разделение труда, торговый баланс, производственные цепочки, экономический рост, инвестиции, либерализация торговли, санкции, протекционизм

Введение

Мировой опыт свидетельствует, что участие страны в международном разделении труда оказывает благоприятное воздействие на экономику. Как показывают исследования института McKinsey [1], рост мирового ВВП на 15–25 % обеспечивается перемещением глобальных потоков товаров, услуг, инвестиций, что составляет 250–450 млрд долл. в год. При этом около 40 % получают экономики, активно включенные в эти процессы.

За последние три десятилетия увеличивающаяся технологическая сложность продук-

ции, либерализация торговли и снижающиеся расходы на транспорт и связь полностью изменили ландшафт мировой торговли: производство становится все более фрагментированным в глобальном масштабе, и многочисленные компоненты продукции многократно пересекают границы разных стран. Сегодня 70 % международной торговли приходится на торговлю промежуточными товарами². Услуги, сырье, запчасти и компоненты обмениваются между странами, а затем включаются в конеч-

² OECD, 2018. Trade Policy Implications of Global Value Chains. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/tad/trade-policy-implications-global-value-chains.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

¹ © Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Текст.2020.

ную продукцию, которая отправляется потребителям во всем мире. Утверждается, что экономическое развитие как развитых, так и развивающихся стран в значительной степени зависит не только от развития экспорта, но и от способности стран импортировать компоненты товаров высокого качества — «импорт для экспорта», что, в свою очередь, предполагает необходимость расширения участия стран в международном разделении труда для повышения темпа роста ВВП¹.

За последние 25–30 лет Россия достаточно глубоко втянулась в международную торговлю. Отношение российского экспорта к ВВП после 2000 г. достигло 30–35 %, в то время как в 1991 г. этот показатель находился на уровне 13,3 %². Однако в посткризисный период, прежде всего после 2014 г., проявилась противоположная тенденция — к замедлению глобализации российской экономики. Она обусловлена как объективными (рецессия, мировая конъюнктура, структура производства), так и субъективными (экономические санкции, барьеры доступа к финансовым рынкам) факторами [2]. Необходимость структурной трансформации экономики в русле тенденций Индустрии 4.0, заставляет Россию укреплять существующие партнерства и искать новые точки роста.

Эти и многие другие причины порождают вопросы, главные из которых — насколько международные партнерства, в которых участвует Россия, соответствуют ее национальным интересам и целям и какие еще экономические союзы возможны.

Методы исследования

В качестве основного метода исследования мы применили статистический анализ данных о развитии внешней торговли. Мы используем статистическую базу данных Евразийской экономической комиссии и International Trade Centre.

Оценка значимости взаимной торговли произведена на основе индекса значимости взаимной торговли (TI), который показывает долю торгового оборота между странами интеграционного объединения в общем внешне-торговом обороте страны:

$$TI = \frac{T_{int}}{T_w}, \quad (1)$$

где T_{int} — объем импорта и экспорта и импорта двух стран интеграционного объединения; T_w — объем экспорта и импорта между страной — членом интеграционного объединения и всем миром.

Повышение индекса означает увеличение доли взаимного потока страны — члена интеграционного объединения с другими странами данного блока, что характеризует улучшение (укрепление) интеграционных связей. Кроме этого, мы используем диалектический метод, методы системного подхода, формальной логики и интерпретации.

Обзор литературы

В настоящее время наработано значительное количество исследований по вопросам проблем и выгод от участия стран в экономических партнерствах. Так, проблемам расширения и углубления интеграции стран ЕАЭС с количественной оценкой сценариев развития этого интеграционного объединения посвящено исследование С.А. Афонцева [3]. В статье Л.З. Зевина обоснована необходимость Российской Федерации взять на себя инициативу и лидерство в создании и развитии интеграционного объединения стран на постсоветском пространстве [4]. Автором показаны ограничения и перспективы развития евразийской интеграции в условиях современных глобальных вызовов и смены источников экономического роста. По мнению Е. Винокурова и А. Либмана [5], на успешность региональной интеграции оказывают влияние масштабы экономических, социальных и политических связей между государствами-членами, а реализация соглашения об экономической региональной интеграции, вероятно, примет характер промежуточной экономической интеграции. Д. Сварин [2] отмечает, что ухудшение отношений Москвы с Западом привели к переориентации геополитического видения России на Восток, хотя ранее Россия стремилась присутствовать в трех геополитических пространствах — Евразии, Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для улучшения региональных и межрегиональных связей как в рамках ЕАЭС, так и в Большой Евразии значительные возможности дает китайская инициатива «Один пояс — один путь». Экономическое и политическое сближение России и Китая усиливается политикой и действиями Запада в отношении этих стран, включая санкции и тор-

¹ OECD, 2013. Implications of Global Value Chains for Trade, Investment, Development and Jobs. OECD, WTO, UNCTAD. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/unctad_oecd_wto_2013d1_en.pdf (дата обращения: 12.06.2019).

² Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 694 с.

говые войны. Однако, по мнению С. Малле [6], обе страны, несмотря на экономическую и политическую конкуренцию, заинтересованы в сотрудничестве и, хотя и медленно и с некоторыми трудностями, обсуждают и расширяют области взаимовыгодного сотрудничества. Так, А. Голобоков [7] отмечает, что большой потенциал для Китая и России в развитии интеграционных связей предоставляет энергетический рынок. В. Дубровский и соавторы [8] выделяют развитие транспортной инфраструктуры. Окно возможностей для России в развитии кооперационных связей предоставляют дальнейшее обострение в регионе противоречий США и Китая и накал страстей по поводу американского торгового протекционизма. Однако такое положение дел не способствует укреплению самих многосторонних институтов, как отмечает, Е. Колдунова [9], и обеспечение динамики сотрудничества с многосторонними институтами и широким кругом стран региона остается открытым вопросом. Существует вероятность сохранения «стратегического нейтралитета» в многосторонних форматах и точечного взаимодействия с отдельными ключевыми партнерами. В связи с этим, определение последствий либерализации торговли для каждого из участников данного процесса и оценка рисков, а также вопросы поддержания и сохранения экономического суверенитета, по мнению Е. Кузьмина [10], сохраняют свою актуальность.

Результаты анализа

Евразийский экономический союз

За время, прошедшее с начала реализации нового этапа интеграции Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России в формате ЕАЭС (Евразийский экономический союз), был достигнут определенный прогресс в направлении институционального сближения стран-участниц [3]. Однако внутренняя торговля в ЕАЭС так и не перешла в активную фазу роста. Доля взаимного экспорта в 2014–2017 гг. не превышала 9,5–12,3 %, при том что минимальный порог интеграционной устойчивости находится на уровне 25 % [4] и «преодоление этого рубежа в перспективе маловероятно» [11, с. 53].

Наиболее активным участником торговли с Россией является Беларусь, на экспорт и импорт которой в 2018 г. приходилось 38,5 и 58,6 % соответственно (табл. 1). Для России внутрисоюзная торговля, в отличие от других стран — членов ЕАЭС, имеет очень умеренное значение. Так, доля Беларуси в структуре россий-

ского экспорта и импорта не превышает 5–6 %, доля Казахстана менее 3 %, доли Армении и Киргизии не превосходят 0,5 %.

На пути углубления интеграции стран ЕАЭС существует большое количество препятствий различного характера [5]. К примеру, Договор о ЕАЭС подразумевает много исключений, особых положений и узаконенных препятствий на пути перемещения ресурсов, товаров и услуг. В условиях экономического спада обострились и участились взаимные торговые конфликты между странами — участницами ЕАЭС. К примеру, Беларусь является лидером по ввозу «санкционных» продуктов в Россию¹. Кроме того, Казахстан и Беларусь не согласились с отменой преференций в торговле с Украиной, вытекающих из соглашения о Зоне свободной торговли СНГ [11, 12].

Кроме того, «асинхронная девальвация валют стран ЕАЭС, одной из причин которой стала девальвация российского рубля (2014–2016), привела к перекосам во взаимной торговле и оживлению дезинтеграционных настроений» [11, 12]. В частности, удешевление ряда российских продуктов поставило под угрозу бизнес казахстанских предпринимателей. Казахстан вводил временные ограничения на ряд российских товаров, включая нефтепродукты. В то же время налоговый маневр России, предполагающий постепенное снижение экспортной пошлины на нефть с 30 % до 0 % к 2025 г. и ее замену налогом на добычу полезных ископаемых, серьезно ухудшит позиции импортеров и сильно ударит по Беларуси.

Как отмечают эксперты, в частности Б. Хейфец, «рост недовольства партнеров по ЕАЭС в связи с сокращением прямой и косвенной финансовой поддержки со стороны России все чаще стал проявляться в форме открытых демаршей» [11 с. 56; 12]. В 2018 г. Казахстан отменил визовый режим для граждан США, посещающих республику. Кроме того, он разрешил Пентагону использовать базы своих ВМС Актау и Курык на Каспии для транзитных потоков из Афганистана. Существует высокая вероятность новой фазы развития отношений Армении с ЕС на основе подписанного в конце 2017 г. соглашения о расширенном партнерстве, а также обострение отношений России со странами —

¹ Федеральная таможенная служба России. Результаты противодействия незаконному ввозу санкционных товаров. [Электронный ресурс]. URL: www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22499:2016-01-27-10-44-29&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (дата обращения: 07.11.2018).

Таблица 1

Доля стран — партнеров ЕАЭС во внешнеторговом обороте России за 2014–2018 гг.

Страна	Доля экспорта в РФ в структуре экспорта стран ЕАЭС, %					Доля экспорта в страны ЕАЭС в структуре экспорта РФ, %				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
Беларусь	41,8	38,6	46,3	43,9	38,5	4,4	4,9	5,2	5,4	5,0
Казахстан	8,0	9,9	9,5	9,3	8,5	2,8	3,1	3,2	3,2	2,8
Армения	20,4	15,2	20,6	25,2	—	0,2	0,3	0,4	0,3	—
Киргизия	6,5	10,9	10,2	14,6	16,1	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3
	Доля импорта из РФ в структуре импорта стран ЕАЭС, %					Доля импорта из стран ЕАЭС в структуре импорта РФ, %				
Беларусь	54,0	55,8	54,2	56,6	58,6	5,3	5,6	6,0	5,6	5,4
Казахстан	33,4	34,5	36,3	39,1	38,1	2,2	2,5	1,9	2,0	2,2
Армения	25,7	30,4	30,8	29,9	—	0,1	0,1	0,2	0,2	—
Киргизия	31,0	31,3	20,8	26,3	24,8	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1

Источник: рассчитано авторами по данным International Trade Centre (см.: International Trade Centre. Trade Map, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019)).

Таблица 2

Объем торговли стран ЕАЭС с АСЕАН и его отдельными участниками за 2015, 2017 гг., млрд долл.

Страна	2015			2017		
	объем торговли	торговый баланс ЕАЭС	доля в объеме внешней торговли ЕАЭС, %	объем торговли	торговый баланс ЕАЭС	доля в объеме внешней торговли ЕАЭС, %
АСЕАН в целом	15,2	1,29	2,6	19,621	-3393	3,09
Сингапур	3,2	2,02	0,6	4,615	2180	0,73
Малайзия	2,2	1,47	0,4	2,459	-991	0,39
Таиланд	2,2	-0,99	0,4	2,450	-1300	0,39
Филиппины	0,6	0,04	0,4	0,663	-213	0,10
Индонезия	2,2	-0,98	0,4	3,509	-1654	0,55
Вьетнам	4,3	-0,34	0,7	5,924	-1415	0,93

Источник: База данных Евразийской экономической комиссии (см.: База данных Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2017/12.aspx (дата обращения: 07.11.2018)).

участницами ЕАЭС и ее партнерами по ОДКБ, поддерживающими Азербайджан.

Становится очевидно, что в ЕАЭС в настоящее время уровень развития внутрисоюзной торговли уступает потенциалу поддержки роста экономик стран-участниц через развитие внешнеторговых связей. Заинтересованность стран — партнеров России по ЕАЭС в развитии связей с третьими странами значительно усилилась в последние годы. В первую очередь, это касается КНР, с которой еще десять лет назад «наметилось сближение Казахстана и других государств Центральной Азии, особенно усилившееся в связи с китайским проектом „Один пояс — один путь”» [11]. КНР является крупнейшим торговым партнером Киргизии (41,4 % от всей внешней торговли в 2017 г.), Казахстана (17,4 %), занимает первое место по торговле с Туркменистаном, второе — с Узбекистаном, третье — с Таджикистаном [13]. Политика Китая, которая ориентирована на формирова-

ние экономического и политического регионального пространства вокруг себя, приводит к частичному «размыванию» евразийских интеграционных процессов [14]. В то же время возрастает и роль Евросоюза в торговле стран — участниц ЕАЭС, что только усиливает данный эффект. В этих тенденциях роль России как интеграционного ядра ЕАЭС постепенно утрачивается.

Одним из приоритетов развития ЕАЭС в видении России является сотрудничество с АСЕАН. Пока торговые отношения ЕАЭС с АСЕАН незначительны для стран ЕАЭС и на торговые связи с АСЕАН в 2017 г. пришлось менее 1,3 % экспорта и около 1,8 % импорта стран ЕАЭС (табл. 2)

Рынок АСЕАН обладает высокой конкурентностью, которая осложняет поиск бизнес-ниши для российских компаний. Более того, происходит вытеснение некоторых традиционных экспортных российских товаров, в частности

Таблица 3

Доля стран — участниц БРИКС во внешнеторговом обороте России за 2014–2018 гг.

Страна	Доля экспорта в РФ в структуре экспорта стран БРИКС, %					Доля экспорта в страны БРИКС в структуре экспорта РФ, %				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
Бразилия	1,7	1,3	1,2	1,3	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8
Китай	2,3	1,5	1,8	1,9	1,9	8,4	9,7	11,3	11,5	13,1
Индия	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,9	1,3	1,7	2,2	1,5
ЮАР	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
	Доля импорта из РФ в структуре импорта стран БРИКС, %					Доля импорта из стран БРИКС в структуре импорта РФ, %				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
Бразилия	1,3	1,3	1,5	1,8	1,9	1,3	1,4	1,3	1,2	0,7
Китай	2,1	2,0	2,0	2,2	2,8	18,7	19,0	20,5	18,8	20,2
Индия	0,9	1,2	1,3	1,8	1,4	0,8	0,9	1,0	0,9	1,0
ЮАР	0,5	0,6	0,3	0,5	0,6	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным International Trade Centre (см.: International Trade Centre. Trade Map, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019)).

удобрений и продуктов нефтепереработки, товарами местных производителей. Торговые отношения со странами АСЕАН также тормозятся отсутствием удобной логистики [15].

Важной предпосылкой для формирования экономического партнерства ЕАЭС — АСЕАН стало соглашение о ЗСТ (зона свободной торговли) ЕАЭС — Вьетнам [16], который является основным реципиентом инвестиций из России в страны АСЕАН и в то же время ведущим донором прямых иностранных инвестиций в экономику России. Почти 60 % ПИИ приходится на обрабатывающую промышленность и энергетику, 30 % — на горнодобывающую отрасль [17]. Для стран ЕАЭС Вьетнам может стать своеобразным мостом на пути к укреплению торговли с ведущими странами Юго-Восточной Азии [18]. Но пока на долю Вьетнама приходится всего 1 % импорта из стран ЕАЭС, а меры, направленные на либерализацию торговли, охватывают около 12 % товарной номенклатуры, причем по этим товарам у стран — членов ЕАЭС нет экспортного интереса [11, 19].

Все это демонстрирует, что на пути интеграции стран ЕАЭС существует большое количество проблем, в том числе — несовместимость интересов.

БРИКС

Значение БРИКС для России выходит за рамки простого экономического партнерства. Поскольку Россия вместе с другими странами — членами ЕАЭС не сможет достичь более 5 % мирового ВВП, тогда как «кумулятивный потенциал России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР — это уже величина, с которой нельзя не считаться ведущим мировым экономическим блоком» [20 с. 605].

Таблица 4

Индекс значимости взаимной торговли со странами ЕАЭС, ШОС и БРИКС для России

Объединение	Индекс значимости взаимной торговли по годам				
	2014	2015	2016	2017	2018
ЕАЭС	7,7	8,5	8,7	8,7	7,9*
БРИКС	13,9	15,1	17,3	17,1	17,8
ШОС	16,5	18,0	20,1	19,9	20,5

* Примечание: в расчетах не учтены данные об экспорте и импорте Армении за 2018 г. ввиду их отсутствия на момент проведения исследования.

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным International Trade Centre (см.: International Trade Centre. Trade Map, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019)).

Экономическое развитие стран БРИКС и рост доходов населения в этих странах предоставляют России новые возможности и потенциал наращивания объемов экспорта и диверсификации его отраслевой структуры [21]. По данным Минэкономразвития России, в 2018 г. наибольший прирост товарооборота (22,4 %, или до 125,4 млрд долл. США) был отмечен со странами БРИКС¹. Доля стран БРИКС в структуре внешнеторгового оборота России неуклонно растет, с 2016 г. преимущественно за счет роста экспорта на фоне незначительного сокращения импорта² (табл. 3).

Индекс значимости взаимной торговли со странами БРИКС хоть и показывает меньшие

¹ Министерство экономического развития России. Итоги внешней торговли России в 2018 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/FjNED> (дата обращения: 20.04.2019).

² International Trade Centre. Trade Map, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019).

Доля стран — участниц ШОС во внешнеторговом обороте России за 2014–2018 гг.

Страны	Доля экспорта в РФ в структуре экспорта стран ШОС, %					Доля экспорта в страны ШОС в структуре экспорта РФ, %				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
Индия	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,9	1,0	0,9	1,0
Казахстан	8,0	9,9	9,5	9,3	8,5	2,2	2,5	1,9	2,0	2,2
Киргизия	6,5	10,9	10,2	14,6	16,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1
КНР	2,3	1,5	1,8	1,9	1,9	18,7	19,0	20,5	18,8	20,2
Пакистан	0,8	0,7	0,7	0,6	0,7	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Таджикистан	7,9	9,8	5,6	3,3	5,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Узбекистан	12,1	8,9	10,0	11,7	12,8	0,3	0,3	0,4	0,5	0,5
	Доля импорта из РФ в структуре импорта стран ШОС, %					Доля импорта из стран ШОС в структуре импорта РФ, %				
Индия	0,9	1,2	1,3	1,8	1,4	0,9	1,3	1,7	2,2	1,5
Казахстан	33,4	34,5	36,3	39,1	38,1	2,8	3,1	3,2	3,2	2,8
Киргизия	31,0	31,3	20,8	26,3	24,8	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3
КНР	2,1	2,0	2,0	2,2	2,8	8,4	9,7	11,3	11,5	13,1
Пакистан	0,5	0,4	0,6	0,5	0,6	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Таджикистан	32,0	31,0	32,5	32,6	30,8	0,3	0,3	0,4	0,3	0,2
Узбекистан	22,8	20,7	20,0	21,7	20,2	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным International Trade Centre (см.: International Trade Centre. Trade Map, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019)).

значения для России, чем в формате ШОС, но демонстрирует самые высокие темпы роста (табл. 4).

Необходимо отметить, что существенный импульс к росту взаимной торговли России со странами ШОС и БРИКС придает активизация торговли с Китаем. По итогам 2018 г. российский экспорт в Китай превысил импорт на 3,9 млрд долл., таким образом, впервые с 2006 г. Россия стала нетто-экспортером во внешней торговле Китаем. Однако структура экспорта продолжает оставаться преимущественно сырьевой [7]: крупнейшей статьёй российского экспорта остаются топливо и нефть, доля которых в экспорте достигает 73,5 %. В то время как китайский экспорт представлен продукцией с более высокой добавленной стоимостью, его товарная структура более диверсифицирована.

Шанхайская организация сотрудничества

ШОС — крупнейший региональный альянс, в котором участвует Россия. Объединение представляет примерно 40 % населения мира и превосходит США или ЕС по размеру валового внутреннего продукта. В последние годы наблюдается усиление экономической составляющей в деятельности ШОС.

Страны ШОС во внешнеторговом обороте России занимают существенную долю (табл. 5). В 2018 г экспорт России в страны — партнеры по ШОС вырос за год на 32,1 %, импорт — на 8,5 %.

Важная роль связующего звена отводится ШОС в реализации китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» с ЕАЭС. Три страны ШОС являются членами ЕАЭС, что дает им возможность существенно расширить сотрудничество в торгово-экономической сфере, это позволит заметно снизить возможности Китая в экономическом доминировании и сохранить традиционные позиции России в Центральной Азии без ущерба для евразийской интеграции как таковой.

«Экономический пояс Шелкового пути» является одним из мегапроектов стратегической инициативы «Один пояс и один путь», которая впервые была озвучена в 2013 г.

Ключевое место в проекте ОПОП с точки зрения транзитной инфраструктуры занимают страны ЕАЭС [22], но центральная роль принадлежит Казахстану, по территории которого проходит 5 международных транспортных коридоров. Китай уже создал в странах, расположенных вдоль этих маршрутов, 75 экономических и торговых зон сотрудничества с накопленными инвестициями в 25,5 млрд долл. Там размещены более 3800 предприятий, которые обеспечивают не менее 220 тыс. рабочих мест и выплачивают в местные бюджеты налоги на сумму около 1,7 млрд долл. ежегодно. С 2005 г. по 2018 г. инвестиции Китая в совместных проектах с Казахстаном превысили 30,4 млрд долл., он также является одним из главных инвесторов

в Киргизии¹. На Россию в 2017 г. пришлось менее 1 % от объема зарубежных прямых китайских инвестиций.

Вкладом России в реализацию китайского проекта может стать северный морской путь (СМП), что обусловлено экономическими интересами как России, так и Китая, для которого экономический эффект может составить 500 тыс. долл. для каждого судна за счет ускорения доставки грузов в Европу на 15 суток. Выгоды России от расширения транзита китайских судов могут достигать 100 тыс. долл. [23]. Кроме того, СМП связан с развитием громадных малоосвоенных территорий, обладающих огромными запасами полезных ископаемых, лесных, рыбных и других ресурсов.

Предполагается и создание автодорожного МТК «Западный Китай–Западная Европа» (TRASECA) протяженностью 8445 км, из них 2233 км пройдут по территории России, 2787 км — Казахстана и 3425 км — Китая [11 с. 59].

Главным препятствием для России «в развитии новых экономических союзов, в том числе с КНР, является слабая конкурентоспособность экономики, прежде всего, обрабатывающей промышленности, которую сложно существенно повысить в среднесрочной перспективе» [11 с. 58]. Так, согласно базовому сценарию, подготовленному группой экономистов Всемирного банка, темпы экономического роста в России будут продолжать замедляться до 2023 г. (1,3 % в 2033 г.), после чего начнется их постепенное восстановление [24].

Обсуждение

ЕАЭС

Все рассмотренные выше тенденции развития ЕАЭС указывают на наличие значимой проблемы для интеграции в рамках объединения — различие интересов отдельных участников союза в отношении формата, масштабов и глубины сотрудничества. Страны — члены ЕАЭС отдают предпочтение двустороннему взаимодействию, при этом доля третьих стран в торговле поступательно увеличивается. Решение проблемы дезинтеграции, на наш взгляд, лежит в плоскости повышения международной конкурентоспособности российской экономики.

Во взаимодействии с Китаем выигрышной для России могла бы стать стратегия игры на опережение, особенно в инвестиционной

сфере, где снятие ограничений было бы не так «чувствительно по сравнению с далеко идущей торговой либерализацией. Тем более что партнеры России по ЕАЭС фактически такую политику по отношению к китайским инвестициям уже проводят. При этом серьезный потенциал развития сотрудничества с КНР заложен в либерализации торговли услугами, где могут быть скорее смягчены или отменены совсем тарифные и нетарифные барьеры. Наиболее перспективные сферы: ИТ-услуги, инжиниринг, электронная торговля, строительные, транспортные, туристические услуги и т. п.» [11 с. 62] Критические оценки перспектив углубления сотрудничества основаны на том, что влияние Китая на политику стран региона неизбежно будет возрастать [6].

Эксперты [9] неоднозначно оценивают перспективы создания зоны свободной торговли Россия — АСЕАН, отмечая, что следует придерживаться осторожного и продуманного подхода, поскольку процесс торговой либерализации для нашей страны, как ожидается, будет непростым. Наибольший интерес для России, на наш взгляд, представляет разработка многостороннего инвестиционного соглашения ЕАЭС — АСЕАН. Подключение ЕАЭС могло бы значительно расширить инвестиционные потоки между двумя региональными интеграционными альянсами.

Еще одним принципиальным вопросом развития интеграции ЕАЭС должна стать переориентация экономики на потребителя, в соответствии с переходом к новому этапу глобализации в рамках Индустрии 4.0. Неформальная потребительская глобализация, или «глобализация снизу», связана с активностью граждан в виде совершения покупок за рубежом по каналам интернет-торговли, международных поездок, работы и учебы on-line в зарубежных странах и пр. Это, помимо более решительной либерализации [10], предполагает создание новых сетей и технологических платформ, развитие доступной инфраструктуры транспорта [8], связи и т. п. Фактически можно говорить о необходимости платформизации всего евразийского экономического пространства, которая облегчит вхождение ЕАЭС в другие экономические союзы [11]. Очевидна, например, притягательность единого визового пространства и согласованных правил трудовой миграции в ЕАЭС [25].

Как видится, в среднесрочной перспективе «России следует не тратить большие усилия и средства на укрепление существующих и создание новых малоэффективных наднацио-

¹ Ministry of Commerce, PRC. The Regular Press Conference of the Ministry of Commerce. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201806/20180602754520.shtml> (дата обращения: 30.11.2018).

нальных структур, а оставив формально уже созданные в ЕАЭС институты, сосредоточить усилия на формировании гибкого экономического партнерства современного типа» [11 с. 57].

ШОС

Решению важных задач развития российской экономики будет способствовать участие в ШОС. Китай уделяет большое внимание реализации инфраструктурных проектов в ШОС, рассматривая их как часть работы по реализации проекта «Один пояс — один путь». Ставится задача сформировать в ШОС комплексную инфраструктуру, что еще более усилит интерес к связям между странами — участницами этого объединения.

Другой сферой взаимодействия России и ШОС может, на наш взгляд, стать сотрудничество в области трудовых ресурсов, где есть серьезные проблемы, связанные, например, с традиционными опасениями России по поводу возможной избыточной трудовой миграции из Китая в Сибирь и на Дальний Восток [11 с. 64]. Безусловно, данный вопрос еще нуждается в более серьезном изучении и основательной теоретической проработке [26].

С одной стороны, обострение противоречий между Китаем и США, новый виток конкуренции макрорегиональных проектов в Азии и торговый протекционизм США не способствуют укреплению межрегионального сотрудничества, но, с другой стороны, создают окно возможностей для России укрепить свое сотрудничество в этом регионе и возможность активизировать свое участие в многосторонних механизмах АТР, и было бы большой недальновидностью России не воспользоваться таким шансом.

БРИКС

Для углубления экономического сотрудничества в формате БРИКС сейчас имеются хорошие перспективы, и России следует приложить направленные на это усилия. Тем более, что имеется инициатива создания Партнерства в области новой индустриальной революции (Partnership on New Industrial Revolution (PartNIR)), которое будет направлено на углубление сотрудничества стран в области цифровой трансформации экономики, новой индустриализации, инноваций и инвестиций, где решающую роль в трансформации экономики, основанной на знаниях, приобретают малые и средние предприятия [27]. Кроме того, драйвером развития взаимодействия России со странами БРИКС могло бы стать инвестиционное сотрудничество [28].

Однако не стоит забывать, что каждая страна БРИКС является ведущей экономикой в своем регионе. Данный факт, с одной стороны, замедляет процессы интеграции в связи с необходимостью каждой страны-участницы БРИКС согласовывать свои действия со своими партнерами, но с другой стороны, открывает перед БРИКС новые возможности по торгово-экономическому сотрудничеству без барьеров.

Я. Лисоволик выдвинул достаточно интересную и амбициозную идею, заключающуюся в использовании платформы БРИКС для создания нового интеграционного объединения — мегаинтеграционного блока BEAMS (БИМСТЕК, ЕАЭС, АС, МЕРКОСУР и ШОС). Ведь ускорение темпов трансформации международной торговли, волна санкций и рост глобального протекционизма подталкивают развивающиеся страны к созданию интеграционных объединений, основанных на принципах равенства, открытости и свободы торговли. По мнению Я. Лисоволика, появление такого мегаблока могло бы создать фундамент для появления объединения большинства развивающихся экономик, чтобы составить конкуренцию другим мегапроектам, включая Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) [29].

Заключение

Как показал проведенный анализ, для России наибольшим потенциалом углубления интеграции обладает сотрудничество со странами ШОС. В то же время индекс значимости взаимной торговли со странами БРИКС показывает более высокие темпы роста. Хотя углубление интеграции России со странами — партнерами ЕАЭС и демонстрирует рост, доля взаимной торговли остается ниже минимального порога интеграционной устойчивости. Для стран ЕАЭС и для России развитие экономических связей с третьими странами, прежде всего с Китаем и ЕС, имеет гораздо большее значение для поддержки и ускорения экономического роста.

Для России экономическое развитие стран БРИКС и ШОС, рост доходов населения в этих странах открывают новые возможности в наращивании объемов и диверсификации отраслевой структуры экспорта. Ключевое значение в развитии экономических отношений имеет активизация торговли с Китаем.

Подводя итог, необходимо признать, что традиционные форматы торговых взаимо-

отношений во многом устарели, требуются совершенно новые виды сотрудничества. Проведенные исследования показали, что ускорение темпов трансформации международной торговли, волна санкций и рост глобального протекционизма подталкивают развивающиеся страны к созданию интеграционных объединений, основанных на принципах равенства, открытости и свободы торговли. Анализ торгового взаимодействия позволяет сделать вывод, что Россия имеет хорошие перспективы углубления сотрудничества в формате

существующих партнерств во многих сферах. Ключевое значение для углубления интеграции, на наш взгляд, будет иметь повышение международной конкурентоспособности российской экономики. Это же является и главным препятствием в развитии новых экономических союзов. При этом именно укрепление, расширение и углубление межгосударственного сотрудничества способны оказать существенное влияние на успешность проводимой в стране структурно-технологической модернизации экономики.

Список источников

1. Global flows in a digital age: How trade, finance, people, and data connect the world economy / Manyika J., Bughin J., Lund S., Nottebohm O., Poulter D., Jauch S., Ramaswamy S. McKinsey Global Institute [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1093/ww/9780199540884.013.249808> (дата обращения: 25.11.2018).
2. Svarin D. The construction of 'geopolitical spaces' in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis // *Journal of Eurasian Studies*. — 2016. — № 7(2). — P. 129–140. — <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.11.002>.
3. Афонцев С. А. Евразийский экономический союз. Сценарии развития интеграции // *Бюджет*. — 2019. — № 1. — С. 80–83.
4. Зевин Л. З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. — М.: Институт экономики РАН, 2015. — 40 с.
5. Libman A., Vinokurov E. Autocracies and regional integration: the Eurasian case // *Post-Communist Economies*. — 2018. — № 30(3). — P. 334–364. — <https://doi.org/10.1080/14631377.2018.1442057>.
6. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behaviour // *Journal of Eurasian Studies*. — 2017. — № 8(2). — P. 136–150. — <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>.
7. Golobokov A. S. Various forms and mechanisms of Chinese-Russian cooperation in the energy sphere and the role of non-governmental structures // *Pacific Science Review B: Humanities and Social Sciences*. — 2015. — № 1(1). — P. 45–48. — <https://doi.org/10.1016/j.psr.2016.01.002>.
8. Dubrovsky V., Yaroshevich N., Kuzmin E. Transactional approach in assessment of operational performance of companies in transport infrastructure // *Journal of Industrial Engineering and Management*. — 2016. — № 9(2). — P. 389–412. — <https://doi.org/10.3926/jiem.1721>.
9. Колдунова Е. АСЕАН, ВАС и АТЭС. Что удалось сделать России в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-vas-i-ates-chto-udalos-sdelat-rossii-v-2018-godu/> (дата обращения: 30.11.2018).
10. Кузьмин Е. А. Теоретическое и эмпирическое исследование экономической безопасности при либерализации торговых отношений. Ч. 1. Теоретико-методологическая постановка и решение проблемы // *Национальная безопасность / Nota bene*. — 2013. — № 1. — С. 34–50. — <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2013.01.5>.
11. Хейфец Б. А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. — М.: Институт экономики РАН, 2016. — 86 с.
12. Хейфец Б. А. Евразийский экономический союз — время для модернизации // *Контурные глобальных трансформаций. Политика. Экономика. Право*. — 2019. — № 2(12). — С. 29–50.
13. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза. Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2016. — 59 с.
14. Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2018. — № 62(3). — С. 78–85.
15. Синицын А. Интеграционные процессы в АТР. Россия — АСЕАН // *Международная жизнь*. — 2018. — № 7. — С. 88–96.
16. Хейфец Б. А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. — 2018. — № 5. — С. 107–120.
17. Пылин А. Г. К вопросу об оценке торговых эффектов соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом // *Вестник Института экономики Российской Академии наук*. — 2018. — № 1. — С. 144–155.
18. ЕАЭС и АСЕАН. Открывая новые горизонты сотрудничества. Аналитический доклад / Т. М. Алиев, М. А. Баева, К. Н. Боргоякова, Е. С. Гущин, П. А. Доронин, О. Д. Исмаилова, А. Ю. Кнобель, О. В. Пономарева, К. А. Прока, М. Г. Пташкина, Н. С. Пыжиков, А. Н. Соколянская, Н. В. Стапран, Т. А. Флегонтова. — М.: Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. 2017. — 229 с.
19. Интеграционный барометр ЕАБР / Задорин И. В., Карпов И. В., Кунахов А. В., Кузнецов Р. С., Рыков А. В., Шубина Л. В., Перебоев В. С. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. — 108 с.

20. Radulescu I. G., Panaita M., Voicab C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends // *Procedia Economics and Finance*. — 2014. — № 8. — P. 605–613. — [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(14\)00135-x](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(14)00135-x).
21. Аранова Е. Я. Современные тенденции взаимодействия России с партнерами по БРИКС в торгово-промышленной сфере // ЭТАП. Экономическая теория. Анализ. Практика. — 2018. — № 4. — С. 87–101.
22. Vinokurov E., Tsukarev T. The Belt and Road Initiative and the transit countries: an economic assessment of land transport corridors // *Area Development and Policy*. — 2017. — № 3. — P. 93–113. — <https://doi.org/10.1080/23792949.2017.1385406>.
23. Тодоров А. А. Международный транзитный потенциал Северного морского пути. Экономический и правовой аспекты // Проблемы национальной стратегии. — 2017. — № 3 (42). — С. 149–171.
24. Всемирный банк. Экономика России. Как обеспечить сохранение стабильности, удвоение темпов роста и сокращение бедности вдвое? Доклад об экономике России № 40 [Электронный ресурс]. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf> (дата обращения: 25.12.2018).
25. Todorov G. N., Kalinina A. V., Rybakova A. I. Impact of labour migration on entrepreneurship ecosystem: case of Eurasian Economic Union // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. — 2018. — № 5(4). — P. 992–1007. — [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4\(20\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4(20)).
26. Lialina A. Labor market security in the light of external labor migration: new theoretical findings // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. — 2019. — № 6(3). — P. 1205–1225. — [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3\(11\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3(11)).
27. Litau E. Entrepreneurship and economic growth: A look from the perspective of cognitive economics // *ACM International Conference Proceeding Series*. — Waterloo, ON, Canada: ACM. — P. 143–147. — <http://doi.org/10.1145/3271972.3271978>.
28. Sidorova E. The Innovation Development of the BRICS Countries: Preconditions and Prospects for Cooperation // *International Organisations Research Journal*. — 2018. — № 13(1). — P. 34–50. — <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-02>.
29. Лисоволик Я. Д. БРИКС и BEAMS. Кирпичи и мегаблоки новой глобальной экономической архитектуры. Докл. междунар. дискус. клуба «Валдай». — М.: Валдай. Международный дискуссионный клуб, 2018.

Информация об авторах

Хейфец Борис Аронович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН; профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; Scopus Author ID: 57194977918; ORCID: 0000-0002-6009-434X (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32; 125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49; e-mail: bah4l2@rambler.ru).

Чернова Вероника Юрьевна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов (РУДН); доцент кафедры рекламы и связи с общественностью, Государственный университет управления; Scopus Author ID: 57191925715; ORCID: 0000-0001-5951-9091 (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; Российская Федерация, 109542, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99; e-mail: veronika.urievna@mail.ru).

For citation: Kheyfets, B. A. & Chernova, V. Yu. (2020). The Role of Russia in the Development of Integration Processes in Emerging Markets. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 16(2), 625-636

B. A. Kheyfets^{a, b)}, V. Yu. Chernova^{c, d)}

^{a)} Institute of Economics of RAS (Moscow, Russian Federation)

^{b)} Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

^{c)} RUDN University (Moscow, Russian Federation; e-mail: veronika.urievna@mail.ru)

^{d)} The State University of Management (Moscow, Russian Federation)

The Role of Russia in the Development of Integration Processes in Emerging Markets

Due to post-crisis slowdown in globalization, there is a necessity to structurally transform the Russian economy, strengthen the existing strategic partnerships and explore new economic growth points. Thus, the paper substantiates the importance of Russia's participation in macro-regional economic associations. We examine the problems and risks of partnership development between the countries. Based on a mutual trade significance index, we analyse the importance of trade between the Russian Federation and the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), BRICS (Brazil, India, China and South Africa), and Shanghai Cooperation Organisation (SCO). The analysis shows that the share of Russian trade with the BRICS and SCO countries is growing fastest, largely due to the trade with China. At the same time, for the economic growth of the EAEU member countries, intra-union trade is less beneficial than the development of foreign trade relations. Moreover, recently the EAEU partners of Russia have been more interested in establishing and developing relations with third countries. The EAEU countries face a variety of problems during the integration process, including the fundamental incompatibility of the interests of the participants. Based on the obtained results, we demonstrate the development prospects of cooperation between Russia and various integration associations. The main obstacle for establishing new economic unions is the low competitiveness of the Russian economy. Even though the current situation does not enhance inter-regional cooperation, it provides Russia an opportunity to strengthen cooperation in the Asia-Pacific region and increase its participation in multilateral mechanisms. We

conclude that in the medium term EAEU has to focus on strengthening the existing institutions and creating a modern flexible economic partnership.

Keywords: macro regional associations, integration, globalization, international division of labour, trade balance, production chains, economic growth, investments, trade liberalization, sanctions, protectionism

References

1. Manyika, J., Bughin, J., Lund, S., Nottebohm, O., Poulter, D., Jauch, S. & Ramaswamy, S. (2014). *Global flows in a digital age: How trade, finance, people, and data connect the world economy*. McKinsey Global Institute. Retrieved from: <https://doi.org/10.1093/ww/9780199540884.013.249808> (Date of access: 25.11.2018).
2. Svarin, D. (2016). The construction of the geopolitical spaces in the Russian political crisis. *Journal of Eurasian Studies*, 7(2), 129–140. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.11.002>
3. Afontsev, S. A. (2019). Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: Stsenarii razvitiya integratsii [Eurasian Economic Union: scenarios for the development of integration]. *Byudzheth [Budget]*, 1, 80–83. (In Russ.)
4. Zevin, L. Z. (2015). *O nekotorykh problemakh ekonomicheskogo prostranstva Evrazii XXI veka [On some problems of the economic space of Eurasia of the XXI century]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 40. (In Russ.)
5. Libman, A. & Vinokurov, E. (2018). Autocracies and regional integration: the Eurasian case. *Post-Communist Economies*, 30(3), 334–364. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631377.2018.1442057>.
6. Malle, S. (2017). Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior. *Journal of Eurasian Studies*, 8(2), 136–150. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>.
7. Golobokov, A. S. (2015). Various forms and mechanisms of Chinese-Russian cooperation in the energy sphere and the role of non-governmental structures. *Pacific Science Review B: Humanities and Social Sciences*, 1(1), 45–48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psr.2016.01.002>.
8. Dubrovsky, V., Yaroshevich, N. & Kuzmin, E. (2016). Transactional approach in assessment of operational performance of companies in transport infrastructure. *Journal of Industrial Engineering and Management*, 9(2), 389–412. DOI: <https://doi.org/10.3926/jiem.1721>.
9. Koldunova, E. (2018). ASEAN, VAS i ATEs. *Chto udalos sdelat Rossii v 2018 godu [ASEAN, EAS and APEC: What Russia Achieved in 2018]*. Retrieved from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-vas-i-ates-chto-udalos-sdelat-rossii-v-2018-godu/> (Date of access: 30.11.2018). (In Russ.)
10. Kuzmin, E. A. (2013). Teoreticheskoe i empiricheskoe issledovanie ekonomicheskoy bezopasnosti pri liberalizatsii torgovykh otnosheniy. Ch. 1. Teoretiko-metodologicheskaya postanovka i reshenie problem [Theoretical and empiric studies of economic security in liberalized trade relations. Part 1. Theoretical and methodological positioning of a problem and possible solutions]. *Natsionalnaya bezopasnost / Nota bene [National Security / Nota bene]*, 1, 34–50. DOI: <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2013.01.5> (In Russ.)
11. Kheyfets, B. A. (2016). *Transregionalnoe pereformatirovanie globalnogo ekonomicheskogo prostranstva. Vyzovy dlya Rossii [Transregional reformatting of the global economic space. Challenges for Russia]*. Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russ.)
12. Kheyfets, B. A. (2019). Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz — vremya dlya modernizatsii [The Eurasian Economic Union — time for modernization]. *Kontury globalnykh transformatsiy. Politika. Ekonomika. Pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]*, 2(12), 29–50. (In Russ.)
13. Glinkina, S. P., Turaeva, M. O. & Yakovlev, A. A. (2016). *Kitayskaya strategiya osvoeniya postsovetskogo prostranstva i sudba Evraziyskogo soyuza. Nauchnyy doklad. [The Chinese strategy for the development of the post-Soviet space and the fate of the Eurasian Union: Scientific report]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 59. (In Russ.)
14. Kashin, V. & Korolev, A. (2018). Pomoshch KNR stranam Tsentralnoy Azii [China's Foreign Aid to Central Asia States]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 62(3), 78–85. (In Russ.)
15. Sinitsyn, A. (2018). Integratsionnye protsessy v ATR. Rossiya — ASEAN [Integration processes in the Asia-Pacific region: Russia — ASEAN]. *Mezhdunarodnaya zhizn [International affairs]*, 7, 88–96. (In Russ.)
16. Heifets, B. A. (2018). Perspektivy sozdaniya zony svobodnoy torgovli mezhdue EAES i ASEAN [Prospects for the Creation of a Free Trade Zone between the EAEU and ASEAN]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, 5, 107–120. (In Russ.)
17. Pylin, A. G. (2018). K voprosu ob otsenke torgovykh effektov soglasheniya o svobodnoy torgovle mezhdue EAES i Vietnamom [On the Evaluation of the Trade Effects of the Free Trade Agreement Between the EAEU (The Eurasian Economic Union) and the SRV (The Socialist Republic of Vietnam)]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, 1, 144–155. (In Russ.)
18. Aliev, T. M., Baeva, M. A., Borgoyakova, K. N., Gushchin, E. S., Doronin, P. A., Ismagilova, O. D., ... Flegontov, T. A. (2017). *EAES i ASEAN. Otkryvaya novye gorizonty sotrudnichestva. Analiticheskiy doklad [EEU and ASEAN: opening new horizons of cooperation: Analytical report]*. Moscow: All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia, 229. (In Russ.)
19. Zadorin, I. V., Karpov, I. V., Kunakhov, A. V., Kuznetsov, R. S., Rykov, A. V., Shubina, L. V. & Pereboev, V. S. (2017). *Integratsionnyy barometr EABR [EABR Integration Barometer]*. SPb.: CED EDB, 108. (In Russ.)

20. Radulescu, I. G., Panaita, M. & Voicab, C. (2014). BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends. *Procedures Economics and Finance*, 8, 605–613. DOI: [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(14\)00135-x](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(14)00135-x).
21. Arapova, E. Ya. (2018). Sovremennye tendentsii vzaimodeystviya Rossii s partnerami po BRIKS v torгово-promyshlennoy sfere [Contemporary Trends in Russia's Trade and Industrial Cooperation with BRICS Partners]. *ETAP. Ekonomicheskaya teoriya. Analiz. Praktika [ETAP: economic theory, analysis, practice]*, 4, 87–101. (In Russ.)
22. Vinokurov, E. & Tsukarev, T. (2017). The Belt and Road Initiative and the transit countries: an economic assessment of land transport corridors. *Area Development and Policy*, 3, 93–113. DOI: <https://doi.org/10.1080/23792949.2017.1385406>.
23. Todorov, A. A. (2017). Sovremennye tendentsii vzaimodeystviya Rossii s partnerami po BRIKS v torгово-promyshlennoy sfere [International transit potential of the Northern Sea Route: economic and legal aspects]. *Problemy natsionalnoy strategii [Problems of national strategy]*, 3(42), 149–171. (In Russ.)
24. Vsemirnyy bank [World Bank]. (2018). *Ekonomika Rossii. Kak obespechit sokhranenie stabilnosti, udvoenie tempov rosta i sokrashchenie bednosti vdvoe? Doklad ob ekonomike Rossii № 40 [Russia Economic Report No. 40: Preserving Stability, Doubling Growth, Halving Poverty — How?]*. Retrieved from: <http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf> (Date of access: 25.12.2018). (In Russ.)
25. Todorov, G. N., Kalinina, A. V. & Rybakova, A. I. (2018). Impact of labour migration on entrepreneurship ecosystem: case of Eurasian Economic Union. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 5(4), 992–1007. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4\(20\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4(20)).
26. Lialina, A. (2019). Labor market security in the light of external labor migration: new theoretical findings. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6(3), 1205–1225. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3\(11\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3(11)).
27. Litau, E. (2018). Entrepreneurship and economic growth: A look from the perspective of cognitive economics. In: *ACM International Conference Proceeding Series* (pp. 143–147). Waterloo, ON, Canada: ACM. DOI: <http://doi.org/10.1145/3271972.3271978>.
28. Sidorova, E. (2018). The Innovation Development of the BRICS Countries: Preconditions and Prospects for Cooperation. *International Organisations Research Journal*, 13(1), 34–50. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-02>.
29. Lisovolik, Ya. D. (2018). *BRIKS i BEAMS. Kirpichi i megabloki novoy globalnoy ekonomicheskoy arkhitektury. Doklad [Building with BRICS and BEAMS: A Constructivist Approach to Global Economic Architecture]*. Moscow: Valdai discussion club, 24. (In Russ.)

Authors

Boris Aronovich Kheyfets — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics of RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Scopus Author ID: 57194977918; ORCID: 0000-0002-6009-434X (32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117418; 49, Leningradskiy Av., Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: bah4l2@rambler.ru).

Veronika Yurievna Chernova — PhD in Economics, Senior Lecturer, Department of Marketing, RUDN University; associate professor, Department of Advertising and PR, The State University of Management; Scopus Author ID: 57191925715; ORCID: 0000-0001-5951-9091 (6, Miklouho-Maclay St., Moscow, 117198, Russian Federation; 99, Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation; e-mail: veronika.urievna@mail.ru).